

Аттриция и изменения в ходе языкового сдвига в прибалтийско-финских языках и диалектах Ингерманландии

М. З. Муслимов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
mehmet@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8332-9578

Аннотация. В статье описываются основные изменения в морфологии и морфонологии прибалтийско-финских языков Ингерманландии в ходе языкового сдвига. Предлагаются критерии для разграничения аттриционных изменений и изменений, вызванных внутривидовыми тенденциями. Для морфонологии этих языков более частотны случаи аттриции, которые характерны только для конкретного идиолекта. С другой стороны, исчезновение целых грамматических категорий в результате категориального выравнивания или категориального переключения чаще охватывает целые локальные идиомы и даже ареалы, как например, исчезновение абессива.

Ключевые слова: ингерманландский финский, ижорский, водский, аттриция, языковой сдвиг, морфонология, морфология.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Attrition and changes in the context of a language shift in Baltic-Finnic languages and dialects of Ingermanland

Mehmet Z. Muslimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); mehmet@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8332-9578

Abstract. The article describes the main changes in the morphology and morphophonology of the Baltic-Finnic languages of Ingria in the context of a language shift. Criteria are proposed for distinguishing attritional changes from those caused by infrastructural tendencies. In the plane of morphophonology, the most frequent cases of attrition in these languages are idiolect-specific, with cases common for all idiolects across the area occurring rarer. Most often, attrition in morphophonology manifests itself as analogical levelling, e.g., when an anomalous adessive form *lakel* ‘on the ceiling’ is used instead of the regular *luajel* (nominative *lak* ‘ceiling’). On the other hand, the widespread use of *hen*-illatives and *jaisi*-conditionals in the West Hatsina dialect rather reflects infrastructural tendencies. The loss of some morphophonological alternation may reflect both attrition and influence from closely related dialects which lack such alternation. The disappearance of entire grammatical categories as a result of categorial levelling or categorial switching more often spans entire local idioms or even whole areas: for example, the abessive disappeared from the whole of Western Ingria. Other changes include the loss of the 1PL and 2PL possessive suffixes, the loss of the inessive of the infinitive II form, the loss of passive participles agreement, the loss of the 3rd person imperative, the loss of the synthetic conditional. In some cases, application of complex and opaque morphological rules can lead to disappearance of a whole grammatical category by precluding generation of surface forms like, e.g., that of the inessive of the infinitive II. On the other hand, the expansion of the imperfect suffix *-si* may be both a result of the Estonian language influence (as in Ingrian Finnish) and a substrate feature (as in Lower Luga Ingrian). An interesting innovation is neutralization of the opposition of the same case forms of the I, II, III and IV infinitives, which results in that in some idiolects the infinitive III may also have a translative form which Standard Finnish lacks.

Keywords: Ingrian Finnish, Ingrian, Votic, attrition, language shift, morphonology, morphology.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

В данной статье мы рассмотрим некоторые явления, связанные с изменениями в языках и диалектах Ингерманландии в ходе

языкового сдвига. Наше внимание будет в основном сосредоточено на изменениях в морфонологии и морфологии данных идиомов.

Прибалтийско-финские языки (далее ПФЯ) Ингерманландии находятся в состоянии языкового сдвига примерно с 40-х годов XX века, когда носители этих языков были депортированы из своих родных деревень и большинство из них так и не смогло вернуться [Мусаев 2004: 279–340]. В настоящее время на этих языках говорит в основном только самое старшее поколение конца 1920-х — 1940-х годов рождения. Более того, доменов, в которых эти языки употребляются, осталось очень мало: это общение между собой представителей самого старшего поколения и (для ингерманландских финнов) язык общения в церкви. Мы собирали данные по идиомам Ингерманландии (водскому, ижорскому, ингерманландскому финскому) в 1988–1991 гг. и с 1998 г. по настоящее время как на территории исторической Ингерманландии, так и за ее пределами — в Карелии, Эстонии, Финляндии и ряде городов России.

Изменения, происходящие в ПФЯ Ингерманландии, ранее уже становились предметом изучения. В частности, Х. Рийонхеймо занималась изучением аттриции в области глагольной морфологии, а О. Кокко — в области именной морфологии ингерманландского финского [Riionheimo 1998, 2013a, 2013b; Kokko 2007]. В своем описании глагольной морфонологии двух североингерманландских говоров проблематику аттриции затрагивала также А. Е. Доброва [Доброва 2014]. Подробный анализ аттриционных изменений в именном словоизменении дает П. С. Толстикова в работе [Толстикова 2017]. Различные типы аттриционных изменений рассматривались также в работе [Муслимов 2007]. Экспедиционный отчет А. В. Азаргаевой [Азаргаева 2016] был посвящен морфонологии некоторых глагольных парадигматических классов в ингерманландском финском. В нем есть заметное количество аттриционных форм.

Изменения, происходящие в языке при языковом сдвиге, в том числе и в отдельных идиолектах, уже становились предметом изучения в ряде работ. В работах [Dorian 1981; Dressler 1991], а также в обзорах [Seliger, Vago 1991; Dorian 1992] описывались основные виды таких изменений. Они могут быть вызваны либо интерференцией

со стороны доминирующего языка, либо внутренними причинами. Перечислим те из них, которые имеют наибольшее значение для морфологии:

- 1) аналогическое выравнивание, устранение разного рода иррегулярных, непродуктивных моделей словоизменения и переход лексем, входящих в непродуктивные словоизменительные типы, в более распространенные;
- 2) парадигматическое выравнивание, редукция алломорфии, элиминация регулярных чередований в парадигме, которая становится более единообразной;
- 3) категориальное выравнивание, нейтрализация грамматических противопоставлений, исчезновение грамматических категорий;
- 4) категориальное переключение: грамматическая категория сохраняется, однако начинает выражаться по-другому.

Приведем примеры на каждый из этих 4 типов.

- 1) Переход прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в продуктивный тип имен на краткий гласный — *lühvä*, см. ниже *Таблицу 5*, парадигма 3.
- 2) Утрата чередования ступеней во всей парадигме, например распространение основы *tuahē-* ‘навоз’ на все падежи — *tuahēhen* ‘навоз.ILL’, *tuahēhes* ‘навоз.INESS’ вместо *tatteehehen* ‘навоз.ILL’, *tatteees* ‘навоз.INESS’ в центральноингерманландских говорах.
- 3) Утрата презенса кондиционала и, как следствие, нейтрализация противопоставления презенса и перфекта кондиционала (см. ниже *Раздел 4.2*). Утрата V инфинитива (см. *Раздел 4.6*).
- 4) Замена абессива на партитив в конструкции с предлогом *ilman*.

Следует отметить, что носители прибалтийско-финских идиомов Ингерманландии демонстрируют разную степень владения языком, и их идиолекты могут довольно заметно отличаться как по степени сохранности старой системы, так и по произошедшим в этих

идиолектах изменениям. Тем не менее можно выделить аттриционные изменения, которые произошли не в одном, а в нескольких идиолектах, зачастую не контактировавших между собой (например, в идиолектах информантов, живущих в разных деревнях на большом удалении друг от друга). По-видимому, в таких случаях можно говорить именно о действии внутривидовых тенденций. Однако отграничение явлений, закрепившихся в том или ином говоре, от индивидуальных изменений остается трудной задачей. В свою очередь, и разграничение изменений, характерных для языкового сдвига, и явлений, характерных для «естественной» эволюции языка, также оказывается возможным далеко не всегда.

Данная статья посвящена обзору тех изменений, которые фиксировались разными исследователями в ПФЯ Ингерманландии в предшествующих работах и представлены в наших полевых материалах. Кроме того, мы делаем попытку разграничить аттриционные явления, затрагивающие отдельные идиолекты, и явления, характерные для всех или большинства идиолектов.

Мы будем использовать следующие критерии оценки характера происходящих изменений.

1. Время возникновения явления. Если явление фиксируется еще в начале XX века, то оно может быть связано либо с влиянием других языков, либо с действием внутривидовых тенденций и не являться специфичным именно для языкового сдвига. Информанты, чья речь была зафиксирована в начале XX века, не были последним поколением говорящих, поскольку современные носители ПФЯ Ингерманландии в основном относятся к поколениям 1920–1930-х годов рождения, хотя есть и отдельные носители даже 60-х годов рождения и позже.

2. Географическое распространение явления. Характерными признаками недавнего появления той или иной инновации, на наш взгляд, является отсутствие сплошного ее ареала, наличие в одной и той же деревне и «консервативных» и «инновационных» идиолектов. Такое распределение, во-первых, может отражать инновации, связанные с ускорением внутривидовых изменений в условиях языкового сдвига. В Ингерманландии верхней границей начала языкового сдвига можно считать 40-е годы XX века, когда почти все

прибалтийско-финское население Ингерманландии было депортировано. При этом в отдельных местностях, например, в центральной и восточной частях водского ареала, в ижорских деревнях долины р. Систа и вблизи Усть-Нарвы, в некоторых районах приходов Нова-солкка, Молосковица и Валкеасаари, языковой сдвиг, по-видимому, начался еще раньше. Во-вторых, это распределение может также отражать влияние литературного финского языка, который не связан с каким-то определенным ареалом Ингерманландии¹. Наоборот, наличие определенного четкого ареала той или иной инновативной особенности указывает на достаточно давнее ее появление. Наличие в соседних деревнях другого ПФЯ, в котором представлено такое же явление, может указывать на историческое влияние этого ПФЯ.

3. Корреляция между степенью владения языком и наличием явления в идиолекте конкретного информанта.

4. Особенности лингвистической биографии конкретного информанта, в частности, изучение литературного финского или эстонского языков. Следует иметь в виду, что существуют определенные диагностические признаки сильного влияния литературного финского или эстонского языков на идиолект информанта. В первую очередь к ним можно отнести формы личных местоимений, которые отделяют финский и эстонский литературные языки от всех ПФЯ Ингерманландии.

2. Морфонология

2.1. Чередования

В ПФЯ Ингерманландии существуют два больших класса чередований: т. н. чередование ступеней и чередование простых

¹ Влияние эстонского языка может быть и локальным, например в некоторых районах Западной Ингерманландии. С другой стороны, «рваный ареал» может возникать и как результат влияния эстонского литературного языка на идиолекты ингерманландских финнов, проживающих в Эстонии.

и геминированных согласных. При этом следует различать чередование простых и геминированных согласных как один из подтипов чередования ступеней, которое происходит в тех же условиях, что и качественное чередование ступеней, и чередование простых и геминированных согласных, возникшее гораздо позднее чередования ступеней и происходящее в других условиях. Чередование ступеней в ПФЯ охватывает значительную часть как глаголов, так и имен и отличается высокой регулярностью. В *Таблице 1* приведены некоторые из чередований ступеней, имеющих отличия в разных ПФЯ Ингерманландии.

Таблица 1. Чередования ступеней в водском, ижорском, финском и эстонском языках

Table 1. Consonant gradation in Votic, Ingrian, Finnish and Estonian

водский	ижорский	ингерманландский финский	эстонский	литературный финский
<i>tk/dg</i>	<i>tk/t</i>	<i>tk</i>	<i>tk</i>	<i>tk</i>
<i>st</i>	<i>st/ss</i>	<i>st/ss, st</i>	<i>st</i>	<i>st</i>
<i>sk/zg</i>	<i>sk/s</i>	<i>sk/s, sk</i>	<i>sk/s</i>	<i>sk</i>
<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/hd</i>
<i>hk/hg</i>	<i>hk/h</i>	<i>hk/h, hk</i>	<i>hk/h</i>	<i>hk/hk, h</i>
<i>k/g</i>	<i>k/ø</i>	<i>k/ø, v, j</i>	<i>k/ø, j</i>	<i>k/ø</i>
<i>t/ø</i>	<i>t/ø</i>	<i>t/ø, v, j</i>	<i>t/ø, j</i>	<i>t/d</i>

Примечание. Водские чередования даны по [Ariste 1948: 16–19], ижорские — по [Лаанест 1966; Junus 1936: 19–25], ингерманландские финские — по [Галахова 2021], эстонские — по [Erelt et al. 1995: 154–157], литературные финские — по [Hakulinen et al. 2008]

Некоторые типы чередования ступеней представлены во всех пяти ПФЯ, например, чередования смычных геминат с простыми смычными (включая и кластеры с геминатами), поэтому такие словоформы, как *verkkon* ‘невод.GEN’ (NOM.SG *verkko*, GEN.SG *verkon* в идиолектах более компетентных говорящих) могут быть только аттриционными [Kokko 2007: 88]. Разные ингерманландские финские

диалекты также могут отличаться наличием или отсутствием конкретных типов чередований. В частности, чередование *st/ss* характерно для диалектов приходов Нарвуси, Сойккола, Каттила, Каприо [Муслимов 2009: 190], а *v* и *j* как слабоступенные соответствия *t* и *k* широко представлены в Центральной и Северной Ингерманландии, но не в Западной Ингерманландии и не в Тюрё [Галахова 2021: 62–70, 82–95].

Отсутствие характерного для конкретного локального идиома чередования может быть не только проявлением парадигматического выравнивания, но и результатом влияния соседнего идиома и/или литературного финского или эстонского языка. В [Муслимов 2007] мы подробно рассматривали такие случаи в ПФЯ нижнелужского ареала, поэтому в данном разделе мы уделим больше внимания Центральной и Северной Ингерманландии.

В речи отдельных ижорских информантов из дер. Извоз и Дальняя Поляна спорадически встречается сильная ступень *tk* вместо слабой в формах IMP.2SG: *elä itke* ‘не плачь’ вместо ожидаемого *elä ite*. В данном случае мы явно имеем дело с парадигматическим выравниванием, поскольку такие формы встретились у информантов с невысокой степенью владения языком, а носителей финского языка в этих деревнях нет. Однако для аналогичных форм, встречающихся у отдельных ижороязычных информантов из дер. Ванакюля, Б. Куземкино и Пески, мы не можем сказать ничего определенного, поскольку в данных случаях можно предполагать и влияние нижнелужского финского, а для дер. Пески еще и водского. В последнем случае форма *itke* могла бы быть и результатом фонологической адаптации водского *idgō* в данном ижорском идиолекте.

В центрально- и североингерманландских финских говорах чередование *sk/s* представлено не всегда последовательно. Чаще всего отсутствие чередования встречается у лексем *posk* ‘щека’ (*pose-t* vs *poske-t* ‘щека-PL’) и *uskoo* ‘верить’ (*uso-n* vs *usko-n* ‘верить-1SG’). В настоящее время вариант *posket* является преобладающим в большинстве финских диалектов Ингерманландии, за исключением диалектов приходов Нарвуси, Каттила, Новасолкка и Каприо. Вариант *uskon* встречается повсеместно и не образует каких-либо ареалов,

однако чаще он встречается у тех информантов, для идиолектов которых характерно влияние литературного финского. При этом некоторые носители противопоставляют варианты *uskon* и *uson*: первый используется в религиозном контексте, второй — в светском. Для большинства других лексем с данным чередованием варианты без чередования встречаются редко и в основном в идиолектах информантов с невысокой степенью владения языком.

Согласные *k* и *t* в слабой степени в позиции между гласными в ингерманландском финском обычно выпадают, причем в зиянии может появляться глайд *v* или *j*. Появление или отсутствие глайда зависит от соседних гласных, а также от диалекта. Например, в Каприо и частично в Тюрё глайды встречаются гораздо реже [Галахова 2021: 62–70, 82–95]. Случаи сохранения *k* и *t* в целом довольно редки, и обычно характерны для идиолектов менее компетентных информантов, например *lakel* вместо обычного *luaje-l* ‘потолок-адесс’ (ном.сг *lak*). Согласный *t* сохраняется чаще, например, *tietä-n* ‘знать-1сг’ вместо регулярного *tijen*. Однако сохранение *k* в формах имперфекта глагола *nähhä* ‘видеть’ *näk-i-n* ‘видеть-ипф-1сг’ вместо обычного *nä-i-n* (ср. *näk* ‘видеть.ипф.3сг’) распространено довольно широко, причем не только в западной части Ингерманландии, где можно было бы предполагать эстонское влияние (ср. эстонское *nägin*), но и в Центральной и Северной Ингерманландии.

Большую часть рассмотренных выше случаев можно считать проявлениями аттриции в отдельных идиолектах, однако некоторые случаи с большим основанием можно считать результатом влияния финского литературного языка. Сюда можно отнести такие варианты, как *posket*, *uskon*, *tietän*. Неясно происхождение широко распространенного варианта *näkin*, который представлен и у информантов с довольно высокой степенью владения языком.

Чередование простых и геминированных согласных характерно для всех ижорских и финских диалектов Ингерманландии, однако в водском языке оно встречается только в отдельных говорах, подвергшихся ижорскому или финскому влиянию. Геминации может подвергаться любой согласный, причем выбор формы с геминатой

зависит как от грамматической категории, так и от парадигматического класса, например, в парадигме существительного *vene* ‘лодка’ геминация представлена в генитиве *vennen*, а в парадигме относящегося к другому парадигматическому классу существительного *kana* ‘курица’ геминация выступает в партитиве *kanna*. Отсутствие такого чередования встречается в основном в идиолектах тех информантов, для которых характерно сильное влияние литературного финского языка: *rahaa* вместо *rahhaa* ‘деньги.ПАРТ’ при *raha* ‘деньги.НОМ’.

2.2. Чередования внутри парадигм

Наряду с полной утратой какого-либо чередования встречаются случаи, когда только в отдельных формах парадигмы выступает аномальная ступень чередования, в то время как в других формах сохраняется регулярная ступень. Это встречается, например, в формах IMP.2PL и активного причастия прошедшего времени. В данном случае в ПФЯ Ингерманландии для глаголов с основой на краткий гласный характерны формы с сильной ступенью чередования, а для стяженных глаголов — со слабой, см. первые две колонки в *Таблице 2*. При этом у отдельных информантов спорадически может употребляться аномальная ступень и выравнивание может происходить как по сильной ступени, так и по слабой. В некоторых случаях происходит не просто устранение чередования, но и замена одного алломорфа корня на другой, например *pelät-* > *pelkä-* в IMP.2PL, см. пример ниже в *Таблице 2* (с. 93), где представлены некоторые из таких аномальных парадигм (глаголы *maata* ‘спать’, *lukkee* ‘читать’, *pelätä* ‘бояться’, *puota* ‘падать’).

Аномальные парадигмы взяты из [Доброва 2014: 66].

В финском говоре дер. Дубровка образование IMP.2PL стяженных глаголов от сильноступенной гласной основы стало регулярным: *lepä-kä* ‘отдыхать-IMP.2PL’ при центральноингерманландском *levät-kää* [Муслимов 2019: 279]. На это мог повлиять и эстонский язык [Erelt et al. 1995: 346].

Таблица 2. Примеры глагольных парадигм из разных финских и ижорских говоров Ингерманландии с аномальной ступенью чередования

Table 2. Examples of verbal paradigms from various Finnish and Ingrian dialects of Ingermanland with anomalous consonant gradation

	стяженные глаголы	глаголы с основой на краткий гласный	аномальные парадигмы	
			стяженные глаголы	глаголы с основой на гласный
INF	<i>maata (0), maatã (0), muata (0)</i>	<i>lukkee (2), lukke (2), lukkii (2)</i>	<i>maata (0), muata (0)</i>	<i>lukkee (2)</i>
PRES.1SG	<i>makkaan (2), makkan (2)</i>	<i>luen (0), luven (0)</i>	<i>makkaan (2)</i>	<i>luen (0)</i>
PRES.3SG	<i>makajaa (1), makaja (1)</i>	<i>lukkoo (2)</i>	<i>makajaa (1)</i>	<i>lukkoo (2)</i>
PTCP.ACT	<i>maant (0), maad (0), miant (0), maannud (0)</i>	<i>lukent (1), luked (1)</i>	<i>makant (1), makkant (2), makkad (2), makannud (1)</i>	<i>luent (0)</i>
IMP.2PL	<i>maatkaa (0), miatkaa (0), maatka (0), pelätäkää (0), puotkaa (0)</i>	<i>lukekaa (1)</i>	<i>pelkäkää (1), putotkaa (1)</i>	

Примечание. Разные ступени чередования показаны цифрой в скобках после словоформы: 0 — слабая ступень, 1 — сильная, 2 — форма с геминацией. Аномальные формы выделены полужирным шрифтом.

У глагола *puajeta* (PRES.1SG *pakenen*) ‘убегать’ слабоступенная согласная основа и сильноступенная гласная довольно сильно отличаются. Многие носители затрудняются с порождением форм, которые образуются от согласной основы — инфинитива, активного причастия прошедшего времени, IMP.2PL. Некоторые из носителей используют согласную основу, но с сильной ступенью чередования: *paket-kaa* ‘убегать-IMP.2PL’ (вместо *puajet-kaa* у наиболее компетентных носителей).

Интересным случаем использования аномальных ступеней чередования является парадигма существительного *sus* ‘волк’ в центральноингерманландских говорах [Толстикова 2017: 88–89]. Это существительное принадлежит к небольшому закрытому парадигматическому классу, для которого характерно обилие алломорфов основы, см. *Таблицу 3*.

Таблица 3. Фрагменты парадигм существительных *sus* ‘волк’, *käs* ‘рука’, *ves* ‘вода’ в центральноингерманландских говорах

Table 3. Fragments of the paradigms of the nouns *sus* ‘wolf’, *käs* ‘hand’, *ves* ‘water’ in the dialects of Central Ingermanland

	‘волк’, наиболее кон- сервативные идиолекты	‘волк’, большинство идиолектов	‘рука’	‘вода’
номинатив	<i>sus</i>	<i>sus</i>	<i>käs</i>	<i>ves</i>
генитив	<i>suven</i>	<i>suven</i>	<i>kiäjēn</i>	<i>veen, vien</i>
партитив	<i>sutta</i>	<i>susta, sussii, suvetta</i>	<i>kättä</i>	<i>vettä</i>
иллатив	<i>suttee</i>	<i>suvvee, sussii, suvehen</i>	<i>kättee</i>	<i>vettee</i>
эссив	<i>suten</i>	<i>suven</i>		
основа в остальных падежах	<i>suve-</i>	<i>suve-</i>	<i>kiäje-</i>	<i>vee-, vie-</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным.				

Вместо форм с геминацией или сильной ступенью в парадигме данного существительного у многих носителей выступают формы со слабоступенной основой или с основой номинатива. При этом в парадигмах некоторых других существительных данного класса, таких как ‘рука’ и ‘вода’ (см. *Таблицу 3*) такого рода выравнивание происходит очень редко. Вероятно, это связано с частотностью этих последних существительных в речи.

Много подобных случаев выравнивания в именных парадигмах анализируется в [Толстикова 2017: 60–65].

2.3. Выравнивание по аналогии с более продуктивными парадигматическими классами

Даже если в парадигме конкретной лексемы не происходит исчезновения чередований, отдельные словоформы все равно могут быть окказионально образованы по модели более продуктивного парадигматического класса.

Довольно распространенным в ижорских и ингерманландских финских идиолектах является переход существительных на **-eh*, **-ek* в тип склонения на гласный. Например, вместо нижнелужской ижорской модели NOM.SG *vene* — PART.SG *venettä* 'лодка', в партитиве возникает PART.SG *venne* по образцу NOM.SG *kala* — PART.SG *kalla* 'рыба'. Другой тип склонения, для которого характерны такие переходы, — это существительные на *-si*. Вместо нижнелужской ижорской модели NOM.SG *susi* 'волк' — PART.SG *suttä* здесь возникает модель NOM.SG *susi* — PART.SG *sussi*, вместо NOM.SG *käsi* 'рука' — NOM.PL *käed* возникает NOM.PL *käsid*. При этом другие словоформы из тех же парадигм могут образовываться по-старому — аналогично тому, как это происходит в аномальных центральноингерманландских парадигмах, см. *Таблицу 3* выше. Следует отметить, что, хотя аномальные парадигмы слова *käsi* 'рука' в нижнелужском ижорском встречаются редко, они представлены в идиолектах с сильной аттрицией. Такого рода выравнивание обычно происходит с формами партитива, но довольно часто встречаются и иллативные формы стяженных имен: *venne* 'лодка.ILL' вместо *vennessä*, *perre* 'семья.ILL' вместо *perressä* в нижнелужском ижорском.

В некоторых случаях происходит выравнивание номинатива по основе, выступающей в генитиве и остальных косвенных падежах (кроме партитива). В первую очередь это явление затрагивает имена на *-ut/-üt*. В современных ПФЯ Ингерманландии диминутивный суффикс *-ut/-üt* почти не употребляется, и имен данного

парадигматического класса осталось мало. В наших материалах встретились имена *lühüt* ‘короткий’, *kätüid* / *kätküt*² ‘колыбель’ и *olut* ‘пиво’. Для имен данного парадигматического класса характерно, что партитив образуется от номинатива при помощи показателя —*t(a)/t(ä)/tä*. Все другие падежи образуются от основы генитива, которая существенно отличается от номинативной, в том числе и степенью чередования, как это имеет место в нижнелужском ижорском в парадигме *kätüid* ‘колыбель’.

В *Таблице 4* представлены четыре типичные парадигмы данного существительного в нижнелужском ижорском. Парадигма 1 является самой консервативной. Парадигма 2 устроена так же, как и парадигма 1, однако в генитивной основе произошло стяжение, и она сократилась на один слог. Парадигма 3 возникает из парадигмы 2 в результате распространения генитивной основы на партитив, а парадигма 4 — результат полного выравнивания по генитивной основе.

Таблица 4. Фрагменты парадигм существительного *kätüid* ‘колыбель’ в нижнелужских ижорских идиолектах

Table 4. Fragments of the paradigms of the noun *kätüid* ‘cradle’ in Lower Luga Ingrian idiolects

	1	2	3	4
номинатив	<i>kätüid</i>	<i>kätüid</i>	<i>kätüid</i>	<i>kätkü</i>
генитив	<i>kätkäivən</i>	<i>kätkön</i>	<i>kätkön</i>	<i>kätkön</i>
партитив	<i>kätütä</i>	<i>kätüt(ä)</i>	<i>kätkött</i>	<i>kätkö</i>
иллатив	<i>kätküve</i>	<i>kätkösse</i>	<i>kätkösse</i>	
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.				

В *Таблице 5* представлены три типичные парадигмы прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в центральноингерманландских говорах.

² В нижнелужском и сойкинском ижорском конечный *t/d* перед паузой реализуется обычно как звонкий, в отличие от финских говоров. В тех случаях, когда ижорская и финская словоформы отличаются только реализацией конечного *t/d*, мы по умолчанию будем давать финский вариант с глухим согласным.

Парадигма 1 является самой консервативной, а парадигмы 2 и 3 представляют две стадии выравнивания по генитивной основе. Парадигма 3 довольно распространена.

Таблица 5. Фрагменты парадигм прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в нижнелужском ижорском и ингерманландском финском

Table 5. Fragments of the paradigms of the adjective *lühüt* ‘short’ in Lower Luga Ingrian and Ingrian Finnish

	1	2	3
номинатив	<i>lühüt</i>	<i>lühüt</i>	<i>lühvä</i>
генитив	<i>lühvän</i>	<i>lühvän</i>	<i>lühvän</i>
партитив	<i>lühüttä</i>	<i>lühvää</i>	<i>lühvää</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.			

В парадигме существительного *olut* ‘пиво’ в некоторых центральноингерманландских идиолектах выравнивание произошло по форме партитива *oltta* < **olutta*. Эта форма послужила основой, к которой присоединялись падежные показатели.

Таблица 6. Фрагменты парадигм существительного *olut* ‘пиво’ в ингерманландском финском

Table 6. Fragments of the paradigms of the noun *olut* ‘beer’ in Ingrian Finnish

	1	2
номинатив	<i>olut</i>	<i>oltta</i>
инессив	<i>olves</i>	<i>olttas</i>
партитив	<i>oltta</i>	<i>oltta</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.		

Распространение одних алломорфов за счет других чаще всего встречается в партитиве и иллативе. В частности, можно отметить распространение в финских и ижорских говорах Курголовского полуострова таких форм партитива множественного числа стяженных

имен, как *vene-j-ä* ‘лодка-PL-PART’, *kirve-j-ä* ‘топор-PL-PART’, *lampaj-a* ‘овца-PL-PART’ (вместо *vennei*, *venneit*, *kirvei*, *kirveit*, *lampai*, *lampait*) по образцу таких форм PART.PL имен на краткий гласный, как *kaloj-a* ‘рыба-PL-PART’, *karhu-j-a* ‘медведь-PL-PART’. Интересно отметить, что при этом обычно не происходит изменений в образовании других форм, и, таким образом, определенные различия между парадигмами склонения стяженных имен и имен на краткий гласный сохраняются.

Изменениям в способах образования иллатива от имен разных парадигматических классов в ингерманландском финском посвящена целая глава в монографии [Kokko 2007: 132–182]. Большинство описанных там изменений можно считать либо проявлениями аттриции, либо влиянием эстонского языка. Особое место занимает плеонастический иллатив на *-hen* от имен с основой на краткую гласную, часто встречающийся в финских говорах приходов Губаницы и Шпаньково, например *talloo* ~ *talloohen* ‘дом.ILL’, *küllää* ~ *külläähen* ‘деревня.ILL’.

Подобного рода изменения могут сопровождаться переразложением основы, плеоназмом, возникновением контаминированных форм, влиянием другого ПФЯ и т. п., что в итоге может давать довольно причудливые результаты. Много примеров такого выравнивания содержится в [Муслимов 2007; Толстикова 2017]. Приведем несколько примеров из магистерской диссертации Толстиковой (ингерманландский финский):

- 1) ILL.PL *onnetomuhja*, TRANSL.PL *onnetomuksija* вместо ожидаемых ILL.PL *onnettomih*, TRANSL.PL *onnettomiks* [Толстикова 2017: 58], под влиянием лит. финского PART.PL *onnettomia*, TRANSL.PL *onnettomiksi* (формы каритивного прилагательного *onnetoin* ‘несчастный’);
- 2) PART.PL *vettäloi* от *vesi* ‘вода’ вместо ожидаемого *vessii* или *vesiloi* [Толстикова 2017: 60], показатель множественного числа присоединяется к показателю партитива;
- 3) GEN.PL *jokiloisen* от *joki* ‘река’ вместо ожидаемого *jokiloin* [Толстикова 2017: 52]. В последнем случае после показателя множественного числа *-loi-* выступает диминутивный суффикс *-se-*, что необычно для ПФЯ.

В глагольном словоизменении также отмечены случаи смешения различных парадигм. По данным А. В. Азаргаевой [Азаргаева 2016], в центральноингерманландских говорах выравнивание по гласной основе очень характерно для небольшого закрытого глагольного парадигматического класса с гласной основой на *-tse* и согласной основой на *-t*. Формы I инфинитива, IMP.2PL, активного и имперсонального причастий прошедшего времени у этих глаголов образуются от согласной основы на *-t*, однако у многих носителей они образуются и от гласной основы (в *Таблице 7* выделены полужирным шрифтом).

Таблица 7. Фрагменты парадигм двухосновных глаголов с гласной основой на *-tse* в центральноингерманландских говорах

Table 7. Fragments of the paradigms of two-stem verbs with a vowel stem in *-tse* in Central Ingrian Finnish dialects

	стричь	просыпаться	выбирать
гласная основа	<i>keritse-</i>	<i>havaitse-</i>	<i>valitse-</i>
согласная основа	<i>kerit-</i>	<i>havait-</i>	<i>valit-</i>
I инфинитив	<i>keritä, keritsi, keritsä</i>	<i>havaita, havaitsetta</i>	<i>valita, valitsi</i>
IMP.2PL	<i>keritkää</i>	<i>havaitkai</i>	<i>valitkaa, valitsetkaa</i>
активное причастие	<i>kerint</i>	<i>havaint, havaitsent</i>	<i>valinnut, valisent</i>
пассивное причастие	<i>kerittä, keritsetti</i>	<i>havaitsettu</i>	<i>valittu, valitsettu</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным. Они образованы от гласной основы глаголов.			

По нашим данным, аналогичные проблемы характерны и для глаголов с основой на *-ne*. В частности, большинство носителей финских диалектов Центральной и Северной Ингерманландии, как правило, затрудняются с образованием инфинитива глагола *puajeta* ‘убегать’ (основа презенса *pakene-*).

Подводя итоги, следует отметить, что большинство рассмотренных в этом разделе примеров можно интерпретировать как случаи

аттриции, поскольку они оказываются особенностями идиолекта или даже вариолекта (см. [Рожанский 2021]). Некоторые же изменения, например в парадигме прилагательного *lühüt* ‘короткий’, оказываются настолько распространенными, что для них можно уже говорить об изменениях в системе и возникновении дублетной парадигмы, характерной для идиолектов большинства носителей.

3. Именная морфология

3.1. Посессивные аффиксы

Одним из наиболее заметных изменений, происходящих в ПФЯ Ингерманландии, является постепенная утрата посессивных аффиксов имен. В финских диалектах Центральной и Северной Ингерманландии посессивная парадигма имеет следующий вид:

Таблица 8. Посессивные аффиксы в ингерманландском финском
Table 8. Possessive affixes in Ingrian Finnish

	SG	PL
1	<i>-in</i>	<i>-mmo/-mmö</i>
2	<i>-is</i>	<i>-nno/-nnö</i>
3	<i>-se(n), -V(n)</i>	<i>-se(n), -V(n)</i>

При этом посессивные показатели 1 и 2 лица множественного числа употребляются крайне редко, обычно только с рефлексивным местоимением *itse* ‘себя’, реципрокным местоимением *toine toise-* ‘друг друга’, с некоторыми наречиями и нефинитными формами (транслативом I инфинитива, инессивом II инфинитива, адессивом V инфинитива):

- (1) *Müö ost-i-mmo itse-lle-mmo omenii.*
 мы купить-IPF-1PL сам-ALL-P.1PL картофель.PL.PART
 ‘Мы купили себе картошки’.

При этом у существительных полная посессивная парадигма была зафиксирована нами только у одного информанта с сильным влиянием финского литературного языка. У наиболее компетентных носителей посессор 1PL и 2PL может быть выражен только генитивом соответствующего личного местоимения:

- (2) **koira-mmo*, ^{ok}*mejjen koira*
'наша собака'

У таких носителей, тем не менее, посессивные показатели 1PL и 2PL могут встречаться в случаях, подобных (1).

У следующей группы носителей с достаточно высокой степенью владения языком посессивные показатели 1PL и 2PL вообще отсутствуют, а с местоимениями и нефинитными формами глаголов употребляется либо нулевой показатель, либо показатель 3 лица. При этом в финитных формах показатели 1PL и 2PL сохраняются.

У значительной части носителей посессивные показатели могут отсутствовать и в 3 лице, причем чаще в случаях с посессором множественного числа. В их идиолектах, таким образом, остаются только посессивные показатели 1SG и 2SG. Следующая группа носителей характеризуется тем, что в их идиолектах посессивные показатели 1SG и 2SG, очень редко 3SG, сочетаются только с местоимением *itse*, а существительные вообще не имеют посессивной парадигмы. И, наконец, для последней группы носителей, как правило более молодых, характерно полное отсутствие посессивных аффиксов.

Следует отметить, что к последней группе относятся и информанты с высокой степенью владения языком из Западной Ингерманландии, в частности носители нижнелужского ижорского и нижнелужского финского, где посессивные аффиксы исчезли еще до начала языкового сдвига [Laanest 1986: 122]. Применительно к Центральной и Северной Ингерманландии можно, однако, говорить как о влиянии самого процесса сдвига, приводящего к категориальному переключению, так и о влиянии русского языка, в котором посессор может быть выражен либо генитивом, либо притяжательным прилагательным.

3.2. Абессив и каритивные прилагательные

Судя по описаниям [Ariste 1948: 38; Laanest 1986: 105], абессив у существительных³ в середине XX века присутствовал как в ижорском, так и в водском языках. Однако к настоящему времени именной абессив в этих языках полностью исчез [Маркус, Рожанский 2011: 118; Markus, Rozhanskiy 2022: 314]. В ингерманландском финском абессив продолжает частично сохраняться. В настоящее время наиболее прочные позиции он занимает в диалектах приходов Келтто и Рьяпяювя, где он сохранился в большинстве идиолектов. В Центральной Ингерманландии абессив отсутствует в идиолектах примерно половины информантов, а в Западной Ингерманландии в наших материалах он отсутствует полностью. Как правило, абессив употребляется с предлогом *ilman* ‘без’ (в отличие от финского литературного языка). Во всех ПФЯ Ингерманландии, а также в финском литературном языке каритивная семантика может также быть выражена конструкцией *ilman*+партитив. Согласно [Kokko 2007: 80], в середине 90-х годов в Северной Ингерманландии обычно употреблялся абессив без предлога, в Центральной — абессив с предлогом, в Западной Ингерманландии также удалось зафиксировать редкие случаи употребления абессива с предлогом.

В тех идиолектах, где именной абессив сохраняется, по-видимому, существуют морфонологические ограничения на сочетаемость аффикса абессива с разными типами основ. Показатель абессива плохо сочетается с двухосновными именами на *-s* и на *-e*, хотя эти запреты носят скорее статистический, а не абсолютный характер. У односложных имен, а также в формах множественного числа некоторых парадигматических классов абессив с показателем *ta*, характерный для Центральной Ингерманландии, полностью совпадает с партитивом, см. *Таблицу 9* ниже. В говорах Северной Ингерманландии, однако, абессив имеет показатель *-tta*, и совпадение с формами партитива невозможно. В других парадигмах показатель *-ta* присоединяется

³ Абессив может употребляться также с 3 инфинитивом. Эта форма продолжает сохраняться во всех ПФЯ Ингерманландии.

к разным основам. Наибольшее число примеров на абессив в наших материалах представлено у двусложных одноосновных имен.

Таблица 9. Абессив в Центральной и Северной Ингерманландии

Table 9. The abessive in the dialects of Central and Northern Ingermanland

гlossa	номинатив	партитив	абессив, Северная Ингерманландия	абессив, Центральная Ингерманландия
нога	<i>jalka</i>	<i>jalkaa</i>	<i>jalatta</i>	<i>jalata</i>
ноги	<i>jalat</i>	<i>jalkoi</i>	<i>jaloitta</i>	<i>jaloita</i>
семья	<i>pere</i>	<i>perettä</i>	* <i>perreettä</i>	* <i>perreetä</i>
документы	<i>tokkeet</i>	<i>tokkeita</i>	* <i>tokkeitta</i>	<i>tokkeita</i>
голова	<i>piä</i>	<i>piätä</i>	* <i>piättä</i>	<i>piätä</i>
деревья	<i>puut</i>	<i>puita</i>	<i>puitta</i>	<i>puita</i>
рука	<i>käs'</i>	<i>kättä</i>	<i>kiäjettä</i>	* <i>kiäjettä</i>
руки	<i>kiäjet</i>	<i>kässii</i>	<i>käsittä</i>	* <i>käsitä</i>
лошадь	<i>hevone</i>	<i>hevosta</i>	* <i>hevosetta</i>	<i>hevoseta</i>
топор	<i>kirves</i>	<i>kirvestä</i>	<i>kirveettä</i>	* <i>kirveetä</i>

Существуют и синтаксические ограничения на употребление абессива. В частности, если есть согласуемое определение, то вместо абессива будет употребляться партитив:

- (3) *Tänäpäin hiä tul' ilman ommaa salkkuu.*
 сегодня он приходить.PRF.3SG без свой.PART сумка.PART
 ‘Сегодня он пришел без своей сумки’.

Иногда встречается оформление абессивом только вершины именной группы, определение в этом случае получает показатель партитива:

- (4) *Män-i-n metsää ilman suur-ta koira-ta.*
 идти-IPF-1SG лес.ILL без большой-ПАРТ собака-ABESS
 ‘Я пошел в лес без большой собаки’.

В двух случаях нам встретилась обратная ситуация, оформление определения абессивом и вершины ИГ партитивом:

- (5) *Ilman oma-tta koiraa hiä ei käy*
 без свой-ABESS собака.PART он NEG.3SG ходить.CN
metsä-s.
 лес-INESS
 ‘Без своей собаки он не ходит в лес’.

Следует отметить, что абессив может отсутствовать и в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком.

Кроме абессива, в ПФЯ Ингерманландии существуют и каритивные прилагательные на *-toin*. Продуктивность этой модели очень сильно варьирует у разных информантов. Как правило, всем информантам известно прилагательное *onneton* ~ *onnetoin* ‘несчастный’. Однако такие прилагательные, как *työtöin* ‘безработный’ или *suolatoin* ‘несоленый’ известны далеко не всем опрошенным нами информантам, а, например, прилагательные **kualitoin* ‘без капусты’ или **sokuritoin* ‘без сахара’ были отвергнуты всеми информантами. В целом каритивные прилагательные у большинства информантов представлены довольно скудно, причем чаще отсутствуют те прилагательные, у которых отсутствуют в качестве эквивалентов русские прилагательные на *без-* или *не-*.

В позиции определения и предиката с каритивными прилагательными конкурируют конструкции с абессивом и партитивом. При этом каритивные прилагательные используются для указания на постоянный характер отсутствия чего-либо, а абессивная / партитивная конструкция — на временный:

- (6) *Tapa-si-n Maria-n ilman laps-ii.*
 встретить-IPF-1SG Мария-GEN без ребенок-PL.PART
 ‘Я встретил Марию без детей (дети у нее есть)’.
- (7) *Eilen haastel-i-n lapse-ttoma-n naise-n kans.*
 вчера разговаривать-IPF-1SG ребенок-CAR-GEN женщина-GEN с
 ‘Вчера я разговаривал с бездетной женщиной’.

Если же в конкретном идиолекте отсутствует конкретное каритивное прилагательное, то вместо него будет употребляться абессивная или чаще партитивная конструкция.

Тенденцию к замене конструкции с абессивом на конструкцию с партитивом вряд ли можно считать проявлением изменений в ходе языкового сдвига, поскольку аналогичный процесс происходит и в литературном финском языке Финляндии [Nakulinen et al. 2008], и центрально- и североингерманландские диалекты в этом отношении в целом являются даже более консервативными. Интересно отметить, что сильнее всего эта тенденция проявляется в идиомах Западной Ингерманландии, в то время как в эстонском языке позиции абессива достаточно прочны. Поэтому тенденцию утраты абессива в Западной Ингерманландии нельзя связать с влиянием эстонского языка.

С другой стороны, сокращение числа каритивных прилагательных может быть одним из проявлений изменений в ходе языкового сдвига, когда из двух конструкций с близким значением сохраняется только одна, т. е. происходит категориальное выравнивание. При этом больше шансов сохраниться у тех каритивных прилагательных, которые имеют близкие соответствия в русском языке.

3.3. Эссив и транслатив

Эссив в ПФЯ Ингерманландии употреблялся в основном для передачи временного состояния (постоянное состояние маркируется номинативом), а с существительными, обозначающими временные промежутки, — для указания на время действия. Транслатив имел более широкий спектр функций, одна из которых — переход в новое состояние. В настоящее время эссив употребляется довольно редко.

В отличие от почти всех косвенных падежей, аффиксы которых присоединяются к основе генитива (которая в зависимости от парадигматического класса может быть как слабоступенной, так и сильноступенной), показатель эссива *-n(na)* первоначально присоединялся только к сильноступенной основе [Лаанест 1966: 102; Laanest 1986: 104]. Однако в настоящее время даже у носителей

с высокой степенью владения языком наблюдаются колебания в выборе основы. В полевых материалах П. С. Толстиковой зафиксированы случаи как сильноступенной основы (*repo-n* ‘лиса-ESS’), так и слабоступенной основы (*suve-na* ‘волк-ESS’), и даже основы с геминацией (*matto-na* ‘змея-ESS’). Как правило, носители испытывают затруднения с образованием форм множественного числа эссива [Маркус, Рожанский 2011: 118; Толстикова 2017: 65]. Кроме того, эссив довольно часто заменяется на номинатив в тех контекстах, где он маркирует временное состояние, и на адессив — в темпоральном значении, например в (8) вместо номинатива *seppä* ожидалось бы *seppän(nä)* или *sepän(nä)* ‘кузнец.ESS’

- (8) *Ennempää hiä ol’ seppä.*
 раньше он быть.IPF.3SG кузнец.НОМ
 ‘Раньше он был кузнецом’

Транслатив, в свою очередь, может заменяться на иллатив или аллатив [Толстикова 2017: 67], однако в целом он гораздо лучше сохраняется, чем эссив.

Ослабление эссива, уже зашедшее довольно далеко во всех ПФЯ Ингерманландии, по-видимому, следует считать одним из изменений в системе в процессе языкового сдвига — категориальным выравниванием. Следует отметить, что в русском языке временное и постоянное состояние могут маркироваться противопоставлением творительного и именительного падежа (ср. *Он работает учителем* и *Он учитель*). Однако это не мешает употреблению номинатива вместо эссива современными носителями ПФЯ Ингерманландии даже при переводе русских стимулов с творительным падежом. Таким образом, как и для каритивных конструкций, в этом случае действует тенденция к исчезновению одной из двух близких по значению конструкций.

Что касается транслатива, то эпизодические случаи замены его на иллатив, адессив или аллатив, по-видимому, следует считать проявлениями аттриции в отдельных идиолектах. В (9) вместо адессива *hyväl ihmisel* ‘хороший.ADESS человек.ADESS’ ожидался бы транслатив *hyväks ihmiseks* ‘хороший.TRANSL человек.TRANSL’:

- (9) *Hiä kasvo-i hyvä-l ihmise-l.*
 он расти-IPF.3SG хороший-ADESS человек-ADESS
 ‘Он вырос хорошим человеком’.

В полевых материалах П. С. Толстиковой встретился также пример замены эссива на транслатив:

- (10) а. *Heikko olla suve-ks.*
 плохой быть.1INF волк-TRANSL
 ‘Плохо быть волком’.

(10а) отражает также пропуск связки *on* ‘быть IPF.3SG’ под влиянием русского языка. Вместо (10а) ожидалось (10б):

- (10) б. *Heikko on olla suve-n(na)/sute-n(na).*
 плохой быть.IPF.3SG быть.1INF волк-ESS
 ‘Плохо быть волком’.

Колебания между эссивом, транслативом и адессивом могут объясняться тем, что в аналогичных русских предложениях им всем будет соответствовать русский творительный падеж.

3.4. Согласование прилагательных и причастий

Хотя в идиолектах подавляющего числа информантов согласование прилагательных по падежу сохраняется, в полевых материалах П. С. Толстиковой (ингерманландский финский) встретилось несколько случаев отсутствия согласования:

- (11) *makja-n ruuotena-s*
 сладкий-GEN яблоко-INESS
 ‘в сладком яблоке’

Во всех этих случаях прилагательное стояло в форме генитива единственного числа [Толстикова 2017: 68–69]. Поскольку подобное явление не отмечалось в текстах, записанных в середине XX века [Mullonen 2004], то это явление следует считать проявлением аттриции.

С другой стороны, имперсональное причастие прошедшего времени гораздо чаще остается несогласованным, причем даже в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком. Приведем пример из ингерманландского финского говора прихода Губаницы:

- (12) *Ost-i-n ommel-tu pajja-n.*
 купить-IPF-1SG шить-PTCP-IPS рубашка-GEN
 ‘Я купил сшитую рубашку’.

В то же время в том же говоре встречаются и случаи согласования причастия:

- (13) *Tuum-a-si-n luve-tu-st kirja-st.*
 думать-IPF-1SG читать-PTCP-IPS-EL книга-EL
 ‘Я думал о прочитанной книге’.

Непоследовательное согласование причастий прошедшего времени отмечается также и в современном водском языке [Маркус, Рожанский 2011: 265]. В данном случае можно скорее говорить об изменении в ходе языкового сдвига. Следует отметить, что данное причастие утратило возможность согласования также в эстонском языке [Erelt et al. 1995: 68].

4. Глагольная морфология

4.1. Имперфект

В современных ПФЯ Ингерманландии имперфект употребляется чаще, чем в финском или эстонском литературных языках, распространив свою сферу употребления за счет аналитических форм — перфекта и плюсквамперфекта. При этом в некоторых идиолектах парадигма имперфекта подвергается перестройке.

В идиолектах некоторых носителей нижнелужского ижорского и финского из дер. Ванакюля, Дальняя Поляна, Лужицы отмечены такие формы 3SG имперфекта, как *küsiüs* ‘спрашивать-IPF.3SG’. Такого же

рода формы отмечает Рийонхеймо [Riionheimo 1998, 2013a, 2013b] в идиолектах ингерманландских финнов Эстонии. В их возникновении могло сыграть роль как влияние эстонского языка, так и аналогическое выравнивание по парадигме имперфекта стяженных глаголов. В этих идиолектах показатель имперфекта *-si* представлен не только в 3 лице, но и в 1 и 2 лицах, его могут принимать не только стяженные и рефлексивные глаголы, но и глаголы других парадигматических классов. С другой стороны, в южных говорах нижнелужского ижорского также можно заметить экспансию этого показателя, но не затрагивающую 3 лицо. Как будет показано ниже, эти два явления, несмотря на внешнее сходство, вероятнее всего были вызваны разными причинами. Рассмотрим фрагменты парадигм глагола *küssö / küssüä* ‘спрашивать’ в разных нижнелужских ижорских и финских идиолектах и эстонском языке, см. *Таблицу 10*.

Таблица 10. Глагол *küssö / küssüä* ‘спрашивать’ в нижнелужских идиолектахTable 10. The verb *küssö / küssüä* ‘ask’ in the Lower Luga idiolects

	глаголы с основой на лабиальный гласный или <i>i</i> , южный нижнелужский ижорский	глаголы с основой на лабиальный гласный или <i>i</i> , северный нижнелужский ижорский и финский	стяженные глаголы, северный нижнелужский ижорский и финский	глаголы с основой на лабиальный гласный или <i>i</i> , эстонский язык	глаголы с основой на лабиальный гласный или <i>i</i> , нижнелужский ижорский, идиолекты с аттрицией
	‘спрашивать’	‘спрашивать’	‘спать’	‘спрашивать’	‘спрашивать’
PRES.1SG	<i>küsün</i>	<i>küsün</i>	<i>makkaan</i>	<i>küsin</i>	<i>küsün</i>
IPF.1SG	<i>küsüsin</i>	<i>küsüin</i>	<i>makasin</i>	<i>küsüsin</i>	<i>küsüsin</i>
IPF.3SG	<i>küsü(i)</i>	<i>küsü(i)</i>	<i>makas</i>	<i>küsis</i>	<i>küsü</i>
Примечание. В таблице для сравнения даны также формы глагола <i>maata</i> .					

Показатель *-si* имперфекта от одноосновных глаголов с основой на лабиальный гласный или *i* в формах 1 и 2, но не 3 лица — это

особенность нижнелужского ижорского диалекта, общая с водским языком. Помимо уже упомянутого глагола *küssö*, к этому классу относятся глаголы *vässö* ‘устать’, *öksö* ‘заблудиться’, *rippo* ‘висеть’, *takko* ‘отбивать (молотком)’, *kutto* ‘ткать’, *süntö* ‘родиться’, *repe* ‘рвать’, *torro* ‘ругать’, *ampo*⁴ ‘стрелять’ (IPF.1SG соответственно *väsüsin*, *öksüsin*, *rippusin*, *takosin*, *kutosin*, *süntüsin*, *repisin*, *torusin*, *ampusin*). Идиолекты разных информантов могут весьма сильно отличаться по тому, какие глаголы имеют *si*-имперфект и какие *i*-имперфект, причем в некоторых случаях у одного и того же информанта могут встречаться оба варианта для одного и того же глагола. Однако в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком форма IPF.3SG имперфекта не получает показатель *-s*, в то время как в 1 и 2 лицах возможны колебания с преобладанием показателя *-si*. С другой стороны, формы IPF.3SG получают показатель *-s* у менее компетентных носителей. Следует отметить, что дистрибуция данного показателя в идиолектах самых компетентных носителей очень напоминает дистрибуцию данного показателя в водском языке [Ariste 1948: 77–78].

Рийонхеймо отмечает формы с показателем *-si* и в ингерманландских финских идиолектах, причем как в 1 и 2, так и 3 лице: *tek-is* (вместо ожидаемого *tek*) ‘делать-IPF.3SG’, *pitä-si-n* (вместо *pi-i-n*) ‘держать-IPF-1SG’, *luke-si-n* (вместо *luv-i-n*) ‘читать-IPF-1SG’ [Riionheimo 2013a]. Такого рода формы встречаются у глаголов всех парадигматических классов, а не только у одноосновных глаголов с основой на лабиальный гласный. При этом данные аномальные формы зафиксированы почти исключительно в идиолектах тех ингерманландских финнов, которые проживают в Эстонии [Riionheimo 2013b: 657].

Имперфект на *-si* у глаголов, не относящихся к стяженным и одноосновным на лабиальный гласный, встречается и в наших материалах, причем как в финских идиолектах (*luke-si-n* ‘читать-IPF-1SG’ и *osta-si-n* ‘купить-IPF-1SG’), так и в ижорских (*luk-i-zi-n* ‘читать-IPF-IPF-1SG’), см. *Таблицу 11*.

⁴ Мы даем варианты, характерные для южных нижнелужских ижорских говоров.

Таблица 11. Имперфект на *-si* в разных идиолектахTable 11. The imperfect in *-si* in different idiolects

		глаголы с основой на лабиальный гласный и <i>i</i>	глаголы с основой на <i>e</i>	прочие глаголы (кроме стяженных)	стяженные глаголы
нижнелужский ижорский	1 и 2 лица	<i>küsüsin</i> ; компетентные носители южных говоров	<i>lukizin</i> ; отдельные менее компетентные носители		<i>makasin</i> ; все носители
	3Sg	<i>küsüs</i> ; отдельные менее компетентные носители			<i>maka(i)s</i> ; все носители
ингерманландский финский	все лица	<i>tekis, pitüsin, lukesin</i> ; спорадически у носителей, проживающих в Эстонии			<i>maka(i)s</i> ; все носители
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным					

Обсуждаемые формы имперфекта можно интерпретировать по-разному. Такие формы, зафиксированные у финноязычных информантов из Эстонии, следует интерпретировать скорее как результат влияния эстонского языка. Это влияние было поддержано и внутривидовой тенденцией распространения данного показателя по аналогии со стяженными глаголами [Riionheimo 2013b].

Употребление данного показателя только в 1 и 2 лицах и только у односложных глаголов с основой на лабиальный гласный и *i* в нижнелужском ижорском (далее будем называть такую дистрибуцию этого показателя «нижнелужским имперфектом») сложнее интерпретировать. С одной стороны, для этой же группы глаголов возможны и формы без показателя *-si*. Поэтому формы с этим показателем можно было бы интерпретировать как внутривидовое

изменение, результат которого стал частью языковой системы. При этом данное изменение не обязательно связано с языковым сдвигом, так как в других ижорских диалектах у данной группы глаголов показатель *-si* отсутствует. С другой стороны, поскольку дистрибуция показателя *-si* у компетентных нижнелужских носителей практически совпадает с водской, то формы с этим показателем можно было бы считать не инновацией, а водскими субстратными формами (ср. также [Муслимов 2020: 352–353]), а формы без показателя *-si* — инновацией, возникшей под влиянием соседних финских нижнелужских говоров.

Н. В. Кузнецова, анализируя «нижнелужский имперфект» в нижнелужском ижорском идиолекте Н. Д. Пыдера (дер. Ванакюля), связывает это явление не только с влиянием одного парадигматического класса на другой, но и с возможным заимствованием из эстонского языка, а также с влиянием форм кондиционала на имперфект [Кузнецова 2020: 206–208]. На наш взгляд, в постулировании этих дополнительных факторов нет необходимости. Рассмотрим их подробнее.

Употребление показателя *-si* только в 1 и 2 лицах и только у глаголов с основой на лабиальный гласный и *i* характерно не только для говора дер. Ванакюля, которая до 1940 года принадлежала Эстонии, оно встречается и в других нижнелужских ижорских деревнях, в том числе и у тех носителей, которые не проживали в Эстонии. Кроме того, «нижнелужский имперфект» в наших материалах не встретился ни в одном нижнелужском финском идиолекте, это особенность только ижорских говоров, кроме самых северных (дер. Остров, Малое Куземкино, Новая, Липово). С другой стороны, в идиолектах ингерманландских финнов, проживающих в Эстонии, показатель *-si* может встречаться и в формах 3SG, а также в глаголах всех парадигматических классов, см. выше *Таблицу 11*. Такая дистрибуция характерна именно для тех идиолектов, которые подверглись влиянию эстонского языка, и совершенно нехарактерна для «нижнелужского имперфекта».

Мог ли на возникновение «нижнелужского имперфекта» повлиять кондиционал? Лаанест приводит следующие формы кондиционала

в южных нижнелужских ижорских говорах: *laulaiZin*⁵, *laulaZin* ‘петь.COND.1SG’, *tahtoiZin* ‘хотеть.COND.1SG’ [Laanest 1986: 133]. Как видно из этих примеров, в формах кондиционала перед показателем *si* может выступать не только краткий гласный, но и дифтонг, что отличает формы кондиционала от «нижнелужского имперфекта», в котором дифтонг невозможен. Другое отличие заключается в том, что «нижнелужский имперфект» не встречается у одноосновных глаголов с основой на *a*, в то время как показатель кондиционала не имеет такого ограничения. Кроме того, в некоторых южных нижнелужских ижорских идиолектах синтетический кондиционал образуется только от части глаголов, подробнее см. *Раздел 4.2*.

Эти факты заставляют нас отвергнуть оба вышеупомянутых предположения. Почти полное совпадение «нижнелужского имперфекта» с дистрибуцией показателя *-zi* в водском языке, на наш взгляд, свидетельствует о том, что это не «явление, находящееся в стадии формирования» [Кузнецова 2020: 206], а субстратное явление, унаследованное от водского языка.

Наконец, спорадическое употребление этого показателя в 3 лице и у глаголов с основой на *-e* в некоторых нижнелужских ижорских идиолектах может быть вызвано аттрицией. Моделью для выравнивания по аналогии могли послужить глаголы с основой на *i*, см. *Таблицу 12*.

Таблица 12. Влияние глаголов с основой на *-i* на глаголы с основой на *-e*

Table 12. The influence of verbs with stems in *-i* on verbs with stems in *-e*

	‘читать’	‘рвать, дергать’	‘читать’, идиолекты с аттрицией
PRES.1SG	<i>luen</i>	<i>revin</i>	<i>luen</i>
IPF.1SG	<i>luin</i>	<i>repisin</i>	<i>lukizin</i>
IPF.3SG	<i>luki</i>	<i>repi</i>	<i>luki</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным			

⁵ Z используется для передачи полужвонкого сибиланта.

4.2. Кондиционал

Еще одним интересным случаем изменений является кондиционал. В финских и ижорских говорах, в отличие от водского языка, кондиционал имеет два основных алломорфа: *-isi-/-si-*, сочетающийся с основами большинства глагольных типов, и *-jäisi-/-jaisi-*, сочетающийся с основами стяженных и рефлексивных глаголов. В водском ситуация более сложная. В исчезнувших к настоящему времени водских говорах прихода Каттила все типы глаголов имели кондиционал на *isi-/-izi-* [Аристе 1948: 80], однако в сохранившихся до настоящего времени говорах дер. Краколье, Пески и Лужицы были представлены оба варианта (а также комбинированные варианты *-iseizi-* и *-jäiseizi-*) с довольно сложной дистрибуцией этих вариантов по типам и наличием дублетных форм (подробнее см. [Маркус, Рожанский 2011: 151–152]). Поскольку эти формы отмечались еще в водской грамматике Цветкова, то их появление скорее всего связано с влиянием ижорского языка [Маркус 2006: 101–104].

Рассмотрим сначала ситуацию в ингерманландском финском. Во многих идиолектах представлено распространение показателя

Таблица 13. Аналогическое выравнивание форм кондиционала в ингерманландском финском

Table 13. Analogical levelling of conditionals in Ingrian Finnish

парадигматический класс	двухосновные глаголы с согласной основой на сонорный	одноосновные глаголы с основой на краткий гласный	стяженные глаголы	рефлексивные глаголы
	быть	дать	спать	мыться
PRES. 1SG	<i>olen, uon</i>	<i>annan</i>	<i>makkaan</i>	<i>pesiin</i>
IPF. 1SG	<i>olin</i>	<i>annoin</i>	<i>makasin</i>	<i>pes(s)isin</i>
COND. 1SG	<i>oisin</i>	<i>antasin</i>	<i>makajaisin</i>	<i>pes(s)ijäisin</i>
COND. 1SG, новые формы	<i>olijaisin</i>	<i>antajaisin</i>		

jaisi, характерного для стяженных и рефлексивных глаголов, на другие парадигматические классы, ср. *Таблицу 13* (с. 114).

Такие формы могут быть образованы от глаголов разных парадигматических классов. При этом в речи многих носителей эти формы могут конкурировать со старыми, однако в некоторых идиолектах выбор «нового» или «старого» алломорфа зависит от числа слогов — основа с четным числом слогов присоединяет *-jaisi*, с нечетным числом слогов *-isi*, см. *Таблицу 14*.

Таблица 14. Кондиционал в говоре дер. Малые Озертицы (молосковицкие ингерманландские финские говоры)

Table 14. Conditionals in the dialect of Pieni Osertitsa (Moloskovitsa Ingrian Finnish)

	PRES.1SG	COND.1SG
чинить	<i>rakenna-n</i>	<i>rakenta-isi-n</i>
дать	<i>anna-n</i>	<i>anta-jaisi-n</i>
прийти	<i>tule-n</i>	<i>tuli-jaisi-n</i>
ждать	<i>uottele-n</i>	<i>uottel-isi-n</i>
пить	<i>juo-n</i>	<i>jo-isi-n,</i> <i>jo-isi-jaisi-n</i>
ответить	<i>vastaa-n</i>	<i>vasta-jaisi-n</i>
стричь	<i>keritse-n</i>	<i>keri-jäisi-n</i>
делать	<i>tie-n</i>	<i>teki-jäisi-n</i>

Рассматриваемые формы чаще встречаются в финских говорах приходов Молосковицы, Губаницы, а также в нижнелужском финском, хотя не чужды и другим говорам. Географически идиолекты с выравниванием не образуют сплошного ареала, причем в одной и той же деревне могут встречаться идиолекты как с выравниванием, так и без выравнивания (дер. Пежевицы, Греблово). Следует иметь в виду, что даже в идиолекте одного информанта могут наблюдаться колебания, и выровненные по аналогии формы могут конкурировать с исконными. В целом для более компетентных информантов выравнивание малохарактерно, однако спорадически оно может

встречаться и у носителей с высокой степенью владения языком. Поскольку эти формы чаще встречаются в речи менее компетентных носителей, то их возникновение можно интерпретировать как внутривидовые изменения, которые ускорил языковой сдвиг.

В нижнелужском ижорском ситуация более сложная. Для части носителей, представляющих говоры, распространенные в смешанных ижорско-финских деревнях или же в соседних с финскими деревнями, характерно такое же распространение показателя *-jaisi*, как и для ингерманландского финского. Однако в идиолектах другой части носителей этот показатель отсутствует даже у рефлексивных и стяженных глаголов.

Таблица 15. Кондиционал в ижорском и водском

Table 15. Conditionals in Ingrian and Votic

	быть	дать	спать	мыться
PRES. 1SG весь нижнелужский диалект	<i>oon, uon</i>	<i>annən</i>	<i>makkan</i>	<i>pessin</i>
IPF. 1SG весь нижнелужский диалект	<i>olin</i>	<i>annoin</i>	<i>makasin</i>	<i>pessisin</i>
COND. 1SG сойкинский диалект	<i>ollüizin</i>	<i>ant'aižin</i>	<i>magajaiššiin</i>	<i>peššijäiššiin</i>
COND. 1SG только южные нижнелужские говоры	<i>ollisin</i>	<i>antasin</i>	<i>makka(i)sin</i>	<i>pessisin</i>
COND. 1SG центральноводские говоры	<i>õldizin</i>	<i>antaizin</i>	<i>makaizin</i>	<i>peseüizin</i>

Поскольку такое же положение вещей характерно для большей части водских говоров, то можно предположить, что отсутствие показателя *-jaisi* в ряде нижнелужских ижорских говоров, преимущественно в южной части ареала, также является субстратной водской

чертой, которая была утрачена в других нижнелужских говорах под влиянием соседних финских говоров.

В некоторых нижнелужских ижорских идиолектах без показателя *-jaisi* форма кондиционала может употребляться с заимствованным из русского языка показателем *бы*. Это могло быть вызвано фонетической близостью имперфекта и кондиционала, особенно в случае редукции дифтонгов: *maka-si-n* ‘спать-IPF-1SG’, *makka-si-n* ‘спать-COND-1SG’, *hüppä-si-n* ‘прыгнуть-IPF-1SG’, ‘прыгнуть-COND-1SG’. Такая близость облегчала калькирование русской модели, в которой кондиционал = прошедшее + *бы*.

В других нижнелужских ижорских идиолектах от многих глаголов образуется только аналитический перфект кондиционала, который в консервативных идиолектах выражает условие, относящееся к прошлому. При этом противопоставление презенса (синтетического) и перфекта (аналитического) кондиционала нейтрализуется:

- (14) *Miä oll-isi-n pëssis-t,*
я быть-COND-1SG мыться-PTCP.ACT
ko oll-iz vett.
если быть-COND вода.PART
‘Я бы помылся, если бы была вода’.

Обычно в таких идиолектах синтетический кондиционал образуется от глагола *ollä* ‘быть’, из других глаголов в наших материалах встречались *männä* ‘идти’, *pannä* курсив ‘положить’, *tullä* ‘приходить’, *tehä* ‘делать’, *nähä* ‘видеть’, *anta* ‘дать’. Следует отметить, что для первых пяти глаголов формы кондиционала имеют вид *männisin*, *pannisin*, *tullisin*, *tekkisin*, *näkkisin*, т. е. напоминают кондиционал вспомогательного глагола *ollä*, *oll-isi-n* ‘быть-COND-1SG’.

Таким образом, в части идиолектов морфонологические проблемы при образовании кондиционала привели либо к категориальному переключению (имперфект + *бы*), либо к категориальному выравниванию (нейтрализация противопоставления презенса и перфекта по крайней мере у части глаголов). Интересно отметить, что в последнем случае разные глаголы имеют разный объем парадигм, поскольку большая часть глаголов не имеет синтетических форм

кондиционала. Типологически сходная ситуация наблюдается в баскском языке. В этом языке только 24 глагола имеют синтетические финитные формы. Финитные формы остальных глаголов являются аналитическими, состоящими из финитных форм вспомогательного глагола и нефинитных форм смыслового глагола [de Rijk 2008: 116].

4.3. Императив 3 лица

Данные формы образуются однотипно почти во всех ПФЯ Ингерманландии, за исключением сойкинского и хэвасского диалектов ижорского языка по состоянию на середину XX века [Лаанест 1966: 168]. Показатели 2PL, 3SG, 3PL приведены в *Таблице 16*.

Таблица 16. Императив в ПФЯ Ингерманландии

Table 16. Imperatives in the Baltic-Finnic languages of Ingermanland

	основной ареал⁶, все ПФЯ Ингерманландии кроме сойкинского и хэвасского ижорского	сойкинский ижорский	хэвасский ижорский
2PL	<i>-kaa, -kai, -kaat</i>	<i>-kaa</i>	<i>-kaan, -kain</i>
3SG	<i>-koo</i>	<i>-kaa</i>	<i>-kaan</i>
3PL	<i>-koot</i>	<i>-kasse</i>	<i>-kasseG</i>

Наряду с этими формами, существует и аналитическая конструкция *la(h)a* + презенс 3 лица (или кондиционал), которая по крайней мере в ижорском фиксируется уже в некоторых народных песнях, записанных в XIX веке [SKVR III2, 1450; SKVR III1, 844].

⁶ Эти показатели могут также иметь алломорфы, начинающиеся на *g* или на геминату *kk*, в таблице они не указаны. Выбор алломорфа зависит от конкретного языка или диалекта, а также от парадигматического класса. Детальное описание дистрибуции алломорфов по языкам / диалектам и парадигматическим классам выходит за рамки данной статьи.

В современном сойкинском диалекте императив 3 лица полностью вышел из употребления, вместо него употребляется только аналитическая конструкция [Markus, Rozhansky 2022: 318]. В остальных идиомах ПФЯ эти две конструкции конкурируют между собой. В нижнелужском ижорском при элицитации информанты употребляют обычно аналитическую конструкцию, однако синтетический императив 3 лица одобряется ими и может встречаться в спонтанной речи. В данном случае еще до начала языкового сдвига возникла аналитическая форма, вероятно, как калька русской конструкции *пусть*+презенс 3 лица, позиции которой постепенно укрепились в ходе языкового сдвига, а в сойкинском диалекте синтетическая форма затем полностью исчезла. Следует отметить, что в синтетическом императиве 3 лица гораздо чаще встречаются аномальные с точки зрения морфонологии формы, чем в императиве 2 лица (регулярная словоформа *havaitkaa* ‘просыпаться.имр.2PL’ и аномальная *havaitsekko* ‘просыпаться.имр.3SG’ вместо ожидаемого *havaitkoo* в одном из центрально-ингерманландских идиолектов [Азаргаева 2016]), что свидетельствует об определенных затруднениях носителей при порождении данной формы.

4.4. Отрицательные формы глаголов

Отрицательные формы глаголов в ПФЯ Ингерманландии образуются с помощью отрицательного глагола, который имеет формы индикатива и императива и изменяется по лицам и числам. Основной глагол при этом получает неизменяемую по лицам и числам форму коннегатива, которая имеет формы индикатива презенса, кондиционала и императива, однако в отрицательной форме имперфекта вместо несуществующего коннегатива имперфекта употребляется причастие прошедшего времени. В *Таблице 17* приведена схема образования отрицательных форм.

У отдельных информантов с невысокой степенью владения языком наблюдается полный распад этой системы. В их идиолектах отрицательный глагол имеет застывшую форму 3SG *ei*, а основной

Таблица 17. Отрицательные формы глагола в ПФЯ Ингерманландии

Table 17. Negative verb forms in the Baltic-Finnic languages of Ingermanland

ТАМ-форма	Схема образования ТАМ-формы	пример ⁷
презент	индикатив отрицательного глагола + коннегатив индикатива	<i>e-n lue</i> NEG-1SG читать.CN
имперфект	индикатив отрицательного глагола + причастие	<i>e-n luke-nt</i> NEG-1SG читать-PTCP.ACT
кондиционал	индикатив отрицательного глагола + коннегатив кондиционала	<i>e-n luk-is</i> NEG-1SG читать-COND.CN
императив 2SG	императив отрицательного глагола 2SG + коннегатив индикатива	<i>älä lue</i> NEG.IMP.2SG читать.CN
императив 2PL, 3SG, 3PL, центрально- и североингерманландские говоры	императив отрицательного глагола + коннегатив императива	<i>äl-käi luke-ko</i> NEG-IMP.2PL читать-IMP.CN
императив 2PL, 3SG, 3PL, нижнелужский ижорский и финский, водский язык	императив отрицательного глагола + императив, лицо / число выражено дважды	<i>el-kä luke-ka</i> NEG-IMP.2PL читать-IMP.2PL
императив 2PL, 3SG, 3PL, сойкинский ижорский	императив отрицательного глагола + инфинитив	<i>el-kää lukki-a</i> NEG-IMP.2PL читать-1INF

глагол стоит в обычной утвердительной форме, т. е. происходит полное калькирование русской конструкции, например *ei muissan* ‘NEG помнить-1SG’ вместо ожидаемого *e-n muissa* ‘NEG-1SG помнить.CN’.

Встречается также anomальное образование отрицательного имперфекта при помощи формы коннегатива имперфекта, не существующей в идиолектах носителей с высокой степенью владения языком.

⁷ В качестве примеров из центрально- и североингерманландских говоров даются варианты, характерные для говоров приходов Келтто, Ярвисаари и Лиссиля.

Таблица 18. Формы 1Sg презенса и имперфекта в некоторых нижнелужских ижорских идиолектах, глагол *maatä* ‘спать’

Table 18. The 1sg Present and the 1sg Imperfect in some idiolects of Lower Luga Ingrian. The verb *maatä* ‘sleep’

	регулярный презенс	регулярный имперфект	аномальный имперфект
положительная форма	<i>makka-n</i>	<i>maka-si-n</i>	<i>makka-zi-n</i>
отрицательная форма	<i>e-n makka</i>	<i>e-n maa-nnud</i>	<i>e-n makka-zi</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным.			

Однако чаще всего встречаются аномальные отрицательные формы императива 2PL, 3SG и 3PL. По данным Азаргаевой [Азаргаева 2016], обычно такие формы встречались у тех глаголов, у которых образование и положительных форм императива вызывало затруднения. Для форм 2PL у некоторых носителей центральноингерманландских диалектов встречалось образование отрицательной формы по нижнелужскому типу, т. е. без коннегатива императива. В формах 3 лица коннегатив императива мог заменяться на коннегатив индикатива презенса (*äl-kö keritse* ‘NEG-IMP.3SG стричь.CN / пусть не стрижет’ вместо ожидаемого *äl-köö kerit-kö* ‘NEG-IMP.3SG стричь-IMP.CN’), на положительную форму императива (*äl-köt havaitse-kkot*⁸ ‘NEG-IMP.3PL просыпаться-IMP.3PL / пусть не просыпаются’ вместо ожидаемого *äl-kööt havait-ko* ‘NEG-IMP.3PL просыпаться-IMP.CN’). В одном случае была употреблена аномальная форма отрицательного глагола — индикатив вместо императива (*ei šuvaitse-ko* ‘NEG.3SG любить-IMP.CN / пусть не любит’ вместо ожидаемого *äl-köö šuvait-ko* ‘NEG-IMP.3PL любить-IMP.CN’). В некоторых случаях коннегатив императива в отрицательной форме 3 лица образовывался от аномальной основы, в отличие от регулярной формы императива 2PL (*äl-kö valitse-kko* ‘NEG-IMP.3SG выбирать-IMP.CN / пусть не выбирает’ при *äl-kä valit-ko* ‘NEG-IMP.2PL выбирать-IMP.CN / не выбирайте’).

⁸ Компоненты аналитических форм, которые сами являются аномальными с точки зрения морфонологии, выделены полужирным.

4.5. Имперсонал

В большинстве ПФЯ существуют особые формы имперсонала, употребляющиеся в тех случаях, когда субъект не может быть выражен, как в (15a). Если субъект выражен, то употребляется обычная форма ЗРЛ, см. (15b). Приведем примеры из ингерманландского финского говора прихода Губаницы:

- (15) a. *Lapse-lle-in anne-ttii kirja*
 ребенок-ALL-P1SG дать-IPF.IPS книга
 ‘Моему ребенку дали книгу’.
- b. *Opettaja-t anto-it lapse-lle-in kirja-n*
 учитель-PL дать-IPF.3PL ребенок-ALL-P1SG книга-GEN
 ‘Учителя дали моему ребенку книгу’.

В карельском языке имперсонал вытеснил формы ЗРЛ [Зайков 2000: 80–81; Sarhimaa 2022: 284]. В ПФЯ Ингерманландии также есть тенденция к смешению этих форм, которым в русском языке соответствует одна (ЗРЛ), однако в разных ареалах эта тенденция проявляется по-разному. В нижнелужском ареале и на Сойкинском полуострове, как и в карельском языке, имперсонал вытесняет формы ЗРЛ, в то время как в Центральной Ингерманландии формы ЗРЛ могут употребляться вместо имперсонала. В данном случае мы имеем дело с категориальным выравниванием, обусловленным вероятнее всего влиянием русского языка. Однако вытеснение форм ЗРЛ имперсоналом отмечалось в ижорском языке уже в 30-е годы XX века [Junus 1936: 115], поэтому это скорее всего не связано с языковым движом.

4.6. Инфинитивы

Согласно работе [Гринеvская 2018], в идиолектах наиболее компетентных носителей ингерманландского финского сохраняются

5 инфинитивных форм. Их свойства даны в *Таблице 19*⁹. Курсивом выделены формы, представленные не у всех носителей ингерманландского финского.

Таблица 19. Инфинитивы в ингерманландском финском

Table 19. Infinitives in Ingrian Finnish

	с какими падежными аффиксами может сочетаться	возможно ли присоединение посессивных аффиксов	функция
I инфинитив	исходная форма	нет	сочетается с модальными глаголами
	<i>транслатив</i>	да	цель
II инфинитив	<i>инессив</i>	да	обозначает побочное действие; функционирует как конверб
III инфинитив (МА-инфинитив, супин)	иллатив	нет	при глаголах движения
	инессив	нет	обозначает процесс; может выступать как форма, синонимичная инессиву II инфинитива
	элатив	нет	при некоторых конкретных глаголах
	абессив	да	функционирует как отрицательное соответствие инессиву II инфинитива, отрицательный конверб
	<i>транслатив</i>	нет	обозначает цель; синонимичен транслативу I инфинитива

⁹ В качестве примеров из центрально- и североингерманландских говоров даются варианты, характерные для говоров приходов Келтто, Ярвисаари и Лииссиля.

	с какими падежными аффиксами может сочетаться	возможно ли присоединение посессивных аффиксов	функция
IV инфинитив	<i>элатив</i>	нет	синонимичен элативу III инфинитива
	<i>транслатив</i>	нет	обозначает цель; синонимичен транслативу I инфинитива
V инфинитив	<i>адессив</i>	да	входит в состав проспективной конструкции

В водском и ижорском языках в их современном состоянии представлены только исходная форма I инфинитива и формы III инфинитива (кроме транслатива). При этом в старых народных песнях представлен транслатив I инфинитива [SKVR III1, 584; SKVR IV2, 1821; Ariste 1986: 30]. Приведем пример из ижорского языка [SKVR III1, 1140]:

- (16) *Ets-i maa-ta maata-kse-e.*
искать-IPF.3SG земля-PART спать.1INF-TRANSL-P3
'Искала землю, чтобы поспать'.

В грамматике ижорского языка В. И. Юнуса [Junus 1936: 120] упоминаются формы инессива II инфинитива:

- (17) *Kottii männee-s möö kuul-i-mma amtukki-a.*
дом.ILL идти.2INF-INESS мы слышать-IPF-1PL выстрел-PART
'Идя домой, мы слышали выстрел'.

П. Аристе в своей грамматике водского языка [Ariste 1948: 85–88] упоминает инессив II инфинитива (18) и V инфинитива (19)

- (18) *Laula-a-za men-tii kotoo-sõõ.*
петь-2INF-INESS идти-IPF.IPS дом.ILL-ILL
'Распевая, пошли домой'.

- (19) *Staruha on koolõ-miizõ-lla-a.*
 старуха быть.3SG умирать-5INF-ADESS-P3
 ‘Старуха при смерти’.

С другой стороны, те формы, которые сохранились к настоящему времени в водском и ижорском языках, сохраняются и в ингерманландском финском. Таким образом, можно говорить о «ядре» инвентаря инфинитивов, представленном во всех ПФЯ Ингерманландии.

Рассмотрим теперь те формы, которые присутствуют в идиолектах только части носителей ингерманландского финского.

1) Транслатив I инфинитива. Зафиксирован в нескольких идиолектах, причем в основном от глагола *süvvä* ‘есть’, без посессивных аффиксов [Гринеvская 2018: 41]:

- (20) *Hiä ost’ leipää siu-l süvvä-ks.*
 он покупать.IPF.3SG хлеб.PART ты-ALL есть.1INF-TRANSL
 ‘Он купил хлеба тебе поесть’.

В двух идиолектах эта форма, однако, встретилась с посессивными аффиксами [Гринеvская 2018: 41]:

- (21) *Siin on penkki istuu-kse-nno.*
 здесь быть.3SG скамейка сидеть.1INF-TRANSL-P2PL
 ‘Здесь есть скамейка, чтобы вам посидеть’.

Хотя данная форма встречается в народных песнях в собрании *Suomen kansan vanhat runot*, записанных еще в конце XIX века, почти всеми современными носителями она не употребляется. Некоторые информанты употребляли в соответствующих контекстах транслатив III инфинитива ((22), [Гринеvская 2018: 59]) или IV инфинитива ((23), [Гринеvская 2018: 63]), однако большинство информантов использовали зависимую клаузу, вводимую союзом цели.

- (22) *Täs on penkki tei-l’ istu-ma-ks.*
 здесь быть.3SG скамейка вы-ALL сидеть-3INF-TRANSL.
 ‘Здесь есть скамейка, чтобы вам посидеть’.

- (23) *Tuo vet-tä naapuri-l' juo-mise-ks.*
 нести.IMP.2SG вода-PART сосед-ALL пить-4INF-TRANS
 ‘Принеси воды соседу попить’.

2) Инессив II инфинитива. По данным Гриневской (личное сообщение), эту форму используют примерно половина опрошенных ею информантов. Продуктивность этой формы варьирует в зависимости от идиолекта, причем в ряде случаев информанты испытывают затруднения в образовании этой формы от глаголов некоторых парадигматических классов, например, от глагола *juvva* ‘пить’ — *juvves* или *juojes*. Часть информантов одобряли сконструированные формы, однако при элицитации использовали инессив III инфинитива [Гринеvская 2018: 46]:

- (24) a. *Miä luve-n kirjaa istu-ma-s divani-l.*
 я читать-1SG книга.PART сидеть-3INF-INESS диван-ADESS
 ‘Я читаю книгу, сидя на диване’.

Вместо (24a) ожидался (24b):

- (24) b. *Miä luve-n kirjaa istu-je-s divani-l.*
 я читать-1SG книга.PART сидеть-2INF-INESS диван-ADESS
 ‘Я читаю книгу, сидя на диване’.

Другие информанты в подобных контекстах использовали зависимые придаточные, вводимые союзами, или сочинение двух финитных глаголов [Гринеvская 2018: 45–46]. При этом абессив III инфинитива, функционирующий как отрицательный конверб, употребляется всеми информантами:

- (25) *Hiä läks pois sano-ma-tta miu-l*
 он уйти.IPF.3SG прочь сказать-3INF-ABESS я-ALL
sanna-a-kaa.
 слово.PART-NEGP
 ‘Он ушел, не сказав мне ни слова’.

Обращает на себя внимание то, что, хотя и для инессива II инфинитива, и для абессива III инфинитива существуют русские

эквиваленты (деепричастие и деепричастие с отрицанием соответственно), только инессив II инфинитива находится в процессе исчезновения. Возможным объяснением для этого могут быть морфонологические проблемы. В тех идиолектах ингерманландского финского, в которых вообще представлен инессив II инфинитива, он регулярно образуется от двух основных глаголов на сонорный при помощи замены *a/ä* на *e*, например от *männä* ‘идти.1INF’ образуется *männe-s* ‘идти.2INF-INESS’. С другой стороны, от носителей таких консервативных идиолектов не всегда удавалось зафиксировать инессив II инфинитива *istujes* от глагола *istuu* ‘сидеть.1INF’. Вероятной причиной такого рода затруднений может быть неприменимость к одноосновным глаголам на краткий гласный простого морфонологического правила, согласно которому при образовании основы II инфинитива *a/ä* в конце словоформы I инфинитива меняется на *e*. Это правило приложимо ко всем прочим парадигматическим классам глаголов, однако в формах I инфинитива одноосновных глаголов на краткий гласный показатель *a/ä* ассимилируется с конечным гласным основы (*istuu* < **istu-a*), и применение этого правила для порождения основы II инфинитива становится невозможным. В пользу такой гипотезы говорит и замена инессива II инфинитива на инессив III инфинитива, который образуется регулярно от присутствующей во всех идиолектах формы иллатива III инфинитива.

Идиолекты тех носителей, у которых сохраняется инессив II инфинитива, различаются между собой еще и по степени сохранности посессивных показателей, присоединяющихся к данной форме и маркирующих субъект инфинитивной клаузы. Полная парадигма зафиксирована только у трех информантов [Гриневская 2018: 43–45]. В большинстве случаев посессивный показатель либо вообще отсутствует, либо для всех лиц употребляется посессивный показатель 3 лица.

3) Транслатив III инфинитива, элатив и транслатив IV инфинитива. Эти формы употреблялись некоторыми информантами в качестве замены транслатива I инфинитива и элатива III инфинитива [Гриневская 2018: 61–65], см. выше (20), (21), (22), (23). Вероятно, в данном случае мы имеем дело с инновациями в отдельных

идиолектах. С точки зрения диахронии инфинитивы представляют собой отглагольные имена с дефектной парадигмой, у каждого из которых есть своя сфера употребления. Однако в ходе языкового сдвига происходит нейтрализация противопоставления разных инфинитивных показателей, и функция конкретной инфинитивной формы начинает маркироваться только падежным показателем. Приведем примеры на употребление элативных форм III инфинитива (26) и IV инфинитива (27):

(26) *Äjjä tul' kalasta-ma-st.*
 дедушка прийти.1PF.3SG рыбачить-3INF-ELAT
 ‘Дедушка пришел с рыбалки’.

(27) *Äjjä tul' küntä-mise-st.*
 дедушка прийти.1PF.3SG пахать-4INF-ELAT
 ‘Дедушка пришел с пахоты’.

4) Адессив V инфинитива. Эта форма, как правило, одобряется информантами, однако при элицитации она была порождена только одним информантом [Гриневская 2018: 66–70]. Она передает действие, которое произойдет в ближайшем будущем и уже на грани осуществления:

(28) *Mari on itke-mäis-i-llä.*
 Мария быть.3SG плакать-5INF-PL-ADESS.P3
 ‘Мария вот-вот заплачет’.

Около трети опрошенных Гриневской информантов отметили, что, хотя данная форма им знакома, в их деревне и на их диалекте так не говорили. С другой стороны, подобная форма существует в литературном финском языке, что может поддерживать существование такой формы и в ингерманландском финском.

В литературном финском языке данная форма обязательно получает посессивный показатель, кореферентный подлежащему. Однако в идиолектах большинства информантов, которые одобрили эту форму, данная форма для всех лиц принимает посессивный показатель 3 лица. В отдельных идиолектах сохраняется дефектная

посессивная парадигма (1SG, 2SG, и общая форма исторического 3SG для всех остальных лиц и чисел).

5. Заключение

Как соотносятся изменения, характерные для отдельных идиолектов, и изменения, затрагивающие конкретный идиом? Подводя итоги, можно отметить, что для морфонологии ПФЯ Ингерманландии более частотны случаи аттриции, которые характерны только для конкретного идиолекта. С другой стороны, исчезновение целых грамматических категорий в результате категориального выравнивания или категориального переключения чаще охватывает целые локальные идиомы и даже ареалы, как например, исчезновение абессива. При этом наличие в русском языке грамматической категории, являющейся достаточно точным соответствием прибалтийско-финской, обычно способствует устойчивости этой грамматической категории и в ПФЯ. Однако, как показывает ситуация с инессивом II инфинитива, наличие нетривиальных морфонологических правил, действующих при порождении подобных форм, может способствовать разрушению грамматической категории даже при наличии адекватного русского соответствия.

Список условных сокращений

ABESS — абессив, ADESS — адессив, ALL — аллатив, CAR — каритивное прилагательное, CN — коннегатив, COND — кондиционал, EL — элатив, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — императив, INESS — инессив, 1INF, 2INF, 3INF, 4INF, 5INF — I, II, III, IV, V инфинитивы, IPF — имперфект, IPS — имперсонал, NEG — отрицательный глагол, NEGP — отрицательная эмфатическая клитика, NOM — номинатив, PART — партитив, PL — множественное число, SG — единственное число, PTCP.IPS — имперсональное причастие прошедшего времени, P1SG — посессивный показатель 1 лица единственного числа, P1PL — посессивный показатель 1 лица множественного числа, P3 — посессивный показатель 3 лица, TRANSL — транслатив,

1SG, 2SG, 3SG — 1, 2, 3 лицо единственного числа, 1PL, 2PL, 3PL — 1, 2, 3 лицо множественного числа.

Литература

- Азаргаева 2016 — А. В. Азаргаева. Особенности глагольной морфологии в ингерманландском диалекте финского языка. Экспедиционный отчет. СПб., 2016.
- Галахова 2021 — Л. Я. Галахова. Основные особенности консонантизма в финских говорах Ленинградской области. СПб.: КАРО, 2021.
- Гриневская 2018 — А. Н. Гриневская. Функционирование инфинитивных форм в ингерманландских диалектах финского языка. Дисс. ... бак. филологии. СПб.: СПбГУ, 2018.
- Доброва 2014 — А. Е. Доброва. Морфология возвратных и стяжённых глаголов ингерманландского языка (на примере северных приходов Ингерманландии Токсово, Вуоле, Лемболово). Дисс. ... маг. филологии. СПб.: СПбГУ, 2014.
- Зайков 2000 — П. М. Зайков. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000.
- Кузнецова 2020 — Н. В. Кузнецова. Рукописи Н. Д. Пыдера на нижнелужском диалекте ижорского языка (р. Россонь) с комментариями // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 184–288.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. 2. Грамматический очерк и библиография. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Лаанест 1966 — А. Лаанест. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус, 1966.
- Маркус 2006 — Е. Б. Маркус. Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2006.
- Мусаев 2004 — В. И. Мусаев. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004.
- Муслимов 2007 — М. З. Муслимов. Языковой сдвиг и изменения в прибалтийско-финских языках и диалектах Западной Ингерманландии // Н. Б. Вахтин (отв. ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 225–251.
- Муслимов 2009 — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.

- Муслимов 2019 — М. З. Муслимов. Заметки о финском диалекте дер. Дубровка / Suokylä // Е. В. Головкин, А. М. Певнов, М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева (ред.). Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935–2017). СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 256–288.
- Муслимов 2020 — М. З. Муслимов. Об идиоме дер. Куровицы (Kukkõsi / Kukkuzi) // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 330–376.
- Рожанский 2021 — Ф. И. Рожанский. О водско-ижорской конвергенции и внутридиалектном континууме (на примере одной кумулятивной руны) // *Ural-Altaic studies*. 2021. № 1. С. 61–76.
- Толстикова 2017 — П. С. Толстикова. Проявление языковой аттриции в центральноингерманландских диалектах. Дисс. ... маг. филологии. СПб.: СПбГУ, 2017.
- Ariste 1948 — P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik Kirjandus, 1948.
- Ariste 1986 — P. Ariste. *Vadja rahvalaulud ja nende keel*. Tallinn: Valgus, 1986.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. *Standard Basque: a progressive grammar*. Vol. 1. (Current studies in linguistics; 44). Cambridge: The MIT Press, 2008. DOI: 10.7551/mitpress/7444.001.0001.
- Dorian 1981 — N. C. Dorian. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Dorian 1992 — N. C. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death*. Oxford: Oxford University Press, 1992. DOI: 10.1515/humaff-1992-020114.
- Dressler 1991 — W. U. Dressler. The sociolinguistic and patholinguistic attrition of Breton phonology, morphology, and morphonology // H. Seliger, R. Vago (eds.). *First language attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 99–111.
- Erelt et al. 1995 — M. Erelt, R. Käsik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995.
- Hakulinen et al. 2008 — A. Hakulinen, M. Vilku, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi (VISK). Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008 (электронный ресурс). URL: <http://scripta.kotus.fi/visk> (дата обращения: 1.06.2024).
- Junus 1936 — V. I. Junus. *Izoran keelen grammatika*. Moskova; Leningrad: Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdatel'stva, 1936.
- Kokko 2007 — O. Kokko. Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana. (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, 48). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2007.
- Laanest 1986 — A. Laanest. *Isuri keele ajalooline fonetika ja morfoloogia*. Tallinn: Valgus, 1986.

- Markus, Rozhanskiy 2022 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Ingrian // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 308–329.
- Mullonen 2004 — M. Mullonen. M. Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalasista murteista. *Petroskoi: Periodika*, 2004.
- Riionheimo 1998 — H. Riionheimo. Morphological attrition and interference in language contact: sketching a framework // J. Niemi, J. Heikkinen (eds.). *Language Contact, Variation, and Change*. (Studia Carelica Humanistica 32). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1998. P. 246–268.
- Riionheimo 2013a — H. Riionheimo. Inkerinsuomen paradigmaattisen kompleksisuuden säilyminen kielikontaktissa ja attritiossa // *Lahivordlusi / Lahivertailuja*. 2013. № 23. S. 285–314. DOI: 10.5128/LV23.12.
- Riionheimo 2013b — H. Riionheimo. Multiple roots of innovations in language contact. Evidence from morphological intermingling in contact between Ingrian Finnish and Estonian // *Studies in Language*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 645–674. DOI: 10.1075/sl.37.3.07rii.
- Sarhimaa 2022 — A. Sarhimaa. Karelian // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 269–290.
- Seliger, Vago — H. W. Seliger, R. M. Vago. The study of language attrition: an overview // H. Seliger, R. Vago (eds.). *First Language Attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 3–16.

Источники

SKVR — Suomen kansan vanhat runot (электронный ресурс). URL: <https://skvr.fi/> (дата обращения: 1.06.2024)

References

- Ariste 1948 — P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik Kirjandus, 1948.
- Ariste 1986 — P. Ariste. *Vadja rahvalaulud ja nende keel*. Tallinn: Valgus, 1986.
- Azargaeva 2016 — A. V. Azargaeva. *Osobennosti glagolnoy morfonologii v ingermanlandskom dialekte finskogo yazyka* [Features of Ingrian Finnish verbal morphology]. Expedition report. St. Petersburg, 2016.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. *Standard Basque: a progressive grammar. Vol. 1*. (Current studies in linguistics; 44). Cambridge: The MIT Press, 2008. DOI: 10.7551/mitpress/7444.001.0001.

- Dobrova 2014 — A. Ye. Dobrova. *Morfonologia vozvratnykh i styazhennykh glagolov ingermanlandskogo yazyka (na primere severnykh prikhodov Ingermanlandii Toksovo, Vuole, Lempola)* [Morphology of reflexive and contracted verbs in Ingrian Finnish (on examples drawn from northern parishes of Ingria such as Toksova, Vuole, Lempola)]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2014.
- Dorian 1981 — N. C. Dorian. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Dorian 1992 — N. C. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death*. Oxford: Oxford University Press, 1992. DOI: 10.1515/humaff-1992-020114.
- Dressler 1991 — W. U. Dressler. The sociolinguistic and patholinguistic attrition of Breton phonology, morphology, and morphonology. H. Seliger, R. Vago (eds.). *First language attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 99–111.
- Erelt et al. 1995 — M. Erelt, R. Käsik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995.
- Galahova 2021 — L. Ya. Galahova. *Osnovnyye osobennosti konsonantizma v finskikh govorkh Leningradskoy oblasti* [Main features of consonantism in the Finnish dialects of Leningrad Oblast]. St. Petersburg: KARO, 2021.
- Grinevskaya 2018 — A. N. Grinevskaya. *Funktsionirovanie infinitivnykh form v ingermanlandskikh dialektakh finskogo yazyka* [Functioning of infinitive forms in Ingrian Finnish]. Bachelor's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2018.
- Hakulinen et al. 2008 — A. Hakulinen, M. Vilkkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi (VISK). Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk> (accessed on 1.06.2024).
- Junus 1936 — V. I. Junus. *Izoran keelen grammatika*. Moskova; Leningrad: Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdatel'stva, 1936.
- Kokko 2007 — O. Kokko. Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana. (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, 48). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2007.
- Kuznetsova 2020 — N. V. Kuznetsova. Rukopisi N. D. Pödera na nizhneluzhskom dialekte izhorskogo yazyka (r. Rosson) s kommentariyami [Manuscripts by N. D. Pöder in the Lower Luga dialect of Ingrian (Rosona river) with comments]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 3. P. 184–288.
- Laanest 1966 — A. Laanest. *Izhorskiye dialekty. Lingvogeograficheskoye issledovaniye* [Ingrian dialects. Linguistic-geographic study]. Tallinn: Valgus, 1966.

- Laanest 1986 — A. Laanest. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn: Valgus, 1986.
- Markus 2006 — Ye. B. Markus. Tipologiya morfemnogo varyirovaniya (na materiale morfonologicheskikh sistem govorov vodskogo yazyka) [Typology of morpheme variation (based on the morphonological systems of the Votic dialects)]. Candidate thesis. Moscow: Institute of Linguistics, 2006.
- Markus, Rozhanskiy 2011 — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic language. Texts and a grammar sketch]. Vol. 2. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Markus, Rozhanskiy 2022 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Ingrian. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 308–329.
- Mullonen 2004 — M. Mullonen. *Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisista murteista*. Petroskoi: Periodika, 2004.
- Musaeu 2004 — V. I. Musaeu. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX—XX veke* [Political history of Ingria at the end of the 19th—20th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004.
- Muslimov 2007 — M. Z. Muslimov. Yazykovoy sdvig i izmeneniya v pribaltiysko-finskikh yazykakh i dialektakh Zapadnoy Ingermanlandii [Language shift and changes in the Baltic-Finnic languages and dialects of Western Ingria]. N. B. Vahtin (ed.). *Yazykovyye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga* [Language changes in the context of language shift]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 225–251.
- Muslimov 2009 — M. Z. Muslimov. K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii [Towards a classification of the Finnish dialects of Ingria]. S. A. Myznikov (ed.). *Voprosy uralistiki 2009. Nauchnyy almanakh* [Topics in Uralistics 2009. Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Muslimov 2019 — M. Z. Muslimov. Zаметki o finskom dialekte der. Dubrovka / Suokylä [On the Finnish dialect of the village of Dubrovka / Suokylä]. Ye. V. Golovko, A. M. Pevnov, M. Yu. Pupylnina, A. A. Syuryun, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Lingvistika i drugie vazhnye veshchi. Pamyati Aleksandra Pavlovicha Volodina (1935–2017)* [Linguistics and other important things. In memoriam Aleksandr P. Volodin]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2019. P. 256–288.
- Muslimov 2020 — M. Z. Muslimov. Ob idiome der. Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) [On the Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) linguistic variety]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. XVI. Pt. 3. P. 330–376.
- Riionheimo 1998 — H. Riionheimo. Morphological attrition and interference in language contact: sketching a framework. J. Niemi, J. Heikkinen (eds.). *Language Contact, Variation, and Change*. (Studia Carelica Humanistica 32). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1998. P. 246–268.

- Riionheimo 2013a — H. Riionheimo. Inkerinsuomen paradigmaattisen kompleksisuuden säilyminen kielikontaktissa ja attritiossa. *Lahivordlusi / Lahivertailuja*. 2013. No. 23. S. 285–314. DOI: 10.5128/LV23.12.
- Riionheimo 2013b — H. Riionheimo. Multiple roots of innovations in language contact. Evidence from morphological intermingling in contact between Ingrian Finnish and Estonian. *Studies in Language*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 645–674. DOI: 10.1075/sl.37.3.07rii.
- Rozhanskiy 2021 — F. I. Rozhanskiy. O vodsko-izhorskoy konvergensii i vnutriidioletnom kontinuumе (na primere odnoy kumulyativnoy runy [Votic-Ingrian convergence and intra-idiolialectal continuum (a case study of a chain rune)]. *Ural-Altaic studies*. 2021. № 1. P. 61–76.
- Sarhimaа 2022 — A. Sarhimaа. Karelian. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 269–290.
- Seliger, Vago — H. W. Seliger, R. M. Vago. The study of language attrition: an overview. H. Seliger, R. Vago (eds.). *First Language Attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 3–16.
- Tolstikova 2017 — P. S. Tolstikova. *Proyavleniye yazykovoy attritsii v tsentralnoingermanlandskikh dialektakh* [Manifestation of linguistic attrition in the Central Ingrian Finnish dialects]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2017.
- Zaykov 2000 — P. M. Zaykov. *Glagol v karelskom yazyke* [Verb in Karelian]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2000.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 20.05.2024